

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 83**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 83 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 238 с.

ISBN 978-5-458-04731-9

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04731-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Эдуардъ фонъ-Гартманъ. († 25 мая 1906 г.)

Недавно скончавшійся Карль Робертъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ, состоявшій, между прочимъ, почетнымъ членомъ и нашего Психологическаго общества, принадлежалъ къ числу крупнѣйшихъ фигуръ не только въ философскомъ мірѣ современности, но и вообще среди философовъ истекшаго столѣтія. Какъ по общему характеру и тенденціямъ своего міровоззрѣнія, такъ и по своимъ историческимъ отношеніямъ Гартманъ примыкаетъ болѣе къ прошлому, къ философскому движенію первой половины 19 вѣка, нежели участвуетъ въ своеобразной работѣ современной философской мысли: его справедливо называютъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ поборниковъ метафизики въ борьбѣ съ тенденціями современныхъ естествоиспытателей и философовъ; а своими предшественниками, оказавшими замѣтное и несомнѣнное вліяніе на его систему, онъ самъ называетъ Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра. Онъ замыкаетъ собою серію развитія, начатаго Кантомъ и принявшаго, начиная съ Фихте, характеръ „догматическаго трансцендентализма“ въ противоположность „критицизму“ Канта. Но онъ до конца дней своихъ не переставалъ слѣдить за умственными теченіями, хотя бы и не отвѣчавшими его міросозерцанію, и всегда умѣлъ точно и сознательно обозначить свое отношеніе къ нимъ.

Личная жизнь Гартмана сложилась не особенно счастливо,—скорѣе даже наоборотъ. Любители психологическаго прагматизма въ исторіи философіи могутъ усматривать въ этомъ первоначальный источникъ его пессимизма. Можетъ

быть, это и на самомъ дѣлѣ такъ, хотя ни его литературная манера, ни вообще методъ работы не даютъ основаній видѣть въ его міровоззрѣніи просто только философію „настроенія“. Но мы въ настоящей краткой „некрологической“ замѣткѣ отнюдь не собираемся давать ни подробнаго объясненія Гартмановой системы, ни ея оцѣнки, а хотимъ только по случаю смерти философа напомнить главнѣйшія черты его жизни и ученія, оставляя за собою право позднѣе болѣе подробно остановиться на происхожденіи, цѣнности и значеніи послѣдняго ¹⁾.

Гартманъ родился 11 февраля (23 февр. н. ст.) 1842 года въ Берлинѣ на Linienstrasse въ домѣ N 112. Его отецъ, капитанъ артиллеріи, старался воспитывать сына въ строгости и не допускать никакой изнѣженности; но при этомъ не игнорировалась и его духовная жизнь, и развитіе характера. На четвертомъ году отецъ началъ учить маленькаго Эдуарда читать, а съ пятого года пригласилъ для регулярныхъ занятій съ любознательнымъ мальчикомъ семинариста (на 5-омъ году занятія продолжались по часу въ день, а на 6-омъ—по два). Самъ Гартманъ-отецъ старался вліять на развитіе сына во время ежедневныхъ прогулокъ съ нимъ, когда они бесѣдовали обо всемъ встрѣчавшемся, посѣщали мастерскія, фабрики, театры и пр. Философъ въ своей автобіографіи самъ отмѣчаетъ съ благодарностью эти вос-

---

¹⁾ При составленіи настоящей замѣтки мы имѣли въ виду главнымъ образомъ сочиненія самого Гартмана—„Philosophie des Unbewussten“, „Kritische Grundlegung des transcendentalen Realismus“, „Neukantianismus, Schopenhauerianismus und Hegelianismus in ihrer Stellung zu der philosophischen Aufgabe der Gegenwart“, „Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins“, „Die Religion des Geistes“ и, наконецъ, „Kategorienlehre“. Для біографіи мы пользовались книгой *Drews'a*—„Eduard von Hartmanns philosophisches System im Grundriss. Mit einer biographischen Einleitung“. При характеристикѣ нами приняты въ расчетъ сужденія Файгингера (*H. Vaihinger*, Hartmann, Dühring und Lange. 1876), *Ланге* („Исторія матеріализма“), упоминавшася уже *Древса*, *Кюльне* („Современная философія въ Германіи“), *Каринскаго* („Критическій обзоръ послѣдняго періода Германской философіи“), *Баумана* (*J. Baumann*, Deutsche und ausserdeutsche Philosophie der letzten Jahrzehnte dargestellt und beurteilt. 1903) и нѣк. другихъ.

питательныя заботы своего отца. Серьезный взглядъ на жизнь, высокое чувство долга, чѣмъ такъ замѣтно отличался характеръ сына, а также его трезвая дѣловитость, не исключавшая, впрочемъ, идеальныхъ порывовъ, повидимому, обязаны своимъ укрѣпленіемъ влиянію отца. Шести лѣтъ, въ пасху 1848 года, поступилъ Гартманъ, минуя три младшихъ класса, въ королевскую семинарію въ Берлинѣ. Это былъ годъ революціи. Семейство Гартмановъ жило тогда на окраинѣ Берлина за Гамбургскими воротами. Но волны революціоннаго движенія докатывались и до этой тихой мѣстности. 18 марта (н. с.) насильственно удаленъ былъ караулъ у Гамбургскихъ воротъ, смѣну котораго обыкновенно любилъ наблюдать мальчикъ; дерзкіе и назойливые нищіе наводнили улицы, проникали въ дома и отравляли существованіе обывателямъ своими вымогательствами и угрозами. „Часто,—говоритъ Гартманъ,—и къ намъ приходили революціонеры и требовали пороху, упорно не желая понять, что квартира артиллерійскаго капитана—не пороховой магазинъ. Цѣлыми днями должны мы были сидѣть за спущенными шторами, чтобы не возбуждать у уличныхъ бродягъ охоты стрѣлять въ наши окна, а когда окна оставались незакрытыми, мнѣ строго приказывали не подходить къ нимъ близко, чтобы не возбуждать вниманія съ улицы“. Такъ какъ отецъ Гартмана, по требованію службы, жилъ не дома, а мать боялась, какъ бы революціонеры ни исполнили своей угрозы—вывести офицерскихъ дѣтей на баррикады подъ выстрѣлы войскъ, то она перебралась съ сыномъ въ одно дружественное семейство въ восточной части Берлина, гдѣ не было безпорядковъ. Можетъ быть, впечатлѣніями этихъ революціонныхъ недѣль объясняется отчасти и то, что Гартманъ впоследствии былъ проникнутъ глубокимъ отвращеніемъ ко всякому насильственному и революціонному движенію и вообще былъ рѣшительнымъ противникомъ демократическихъ принциповъ.

Въ семинаріи прошелъ онъ хорошій курсъ латинскаго языка, математики, естествовѣдѣнія, религіи и нѣмецкой ли-

тературы. Изученіе религіи подъ руководствомъ директора Фюрбрингера, преподаваніе котораго отличалось ясностью и точностью въ опредѣленіи понятій, дало первый и сильный толчокъ доселѣ еще не обнаруживавшейся метафизической потребности Гартмана. Будущій философъ уже въ эту пору сказывался въ томъ, что его идеи по религіознымъ вопросамъ отличались антихристіанскимъ направлениемъ. Ему уже и тогда казалось непонятнымъ превосходство лютеранскаго ученія объ евхаристіи предъ реформатскимъ, оправданіе крещенія дѣтей, отрицаніе безсмертія души у мертворожденныхъ дѣтей и домашнихъ животныхъ,—предметы обыкновенно 10-лѣтнихъ мальчиковъ совсѣмъ не интересующіе. Съ годами его нерасположеніе къ официальному христіанству все усиливалось. Въ Фридрихъ-Вердеровской гимназій, куда онъ поступилъ на пасхѣ 1852 года, его смѣлое свободомысліе и непочтительность къ старымъ освященнымъ авторитетамъ отталкивали отъ него товарищей, что, въ связи съ завистью къ его успѣхамъ дѣлало его нелюбимымъ и положеніе его—изолированнымъ. Съ особенной любовью и успѣхомъ онъ занимался математикой. Увлеченіе этимъ предметомъ все болѣе усиливалось въ старшихъ классахъ подъ вліяніемъ зародившейся мысли о философскомъ значеніи математическихъ функцій, какъ простыхъ и удобныхъ формулъ для сложныхъ понятій. Онъ съ благодарностью вспоминаетъ своего учителя математики, проф. Бертрама, который указывалъ ему на это философское значеніе математики. Тотъ же проф. Бертрамъ преподавалъ и физику и здѣсь далъ основу для позднѣйшей гносеологіи Гартмана, натолкнувъ его на мысль, что матерія отдѣльно отъ силы есть лишь пустой образъ. Другими предметами гимназическаго преподаванія молодой Гартманъ интересовался мало. Вкусъ къ исторіи на долгіе годы заглушенъ былъ у него неумѣлымъ преподаваніемъ этого предмета въ старшемъ классѣ, а чтеніе Шопенгауэра, этого великаго презрителя исторіи, еще усилило такое нерасположеніе. Послѣднее смягчилось лишь позже, благодаря знакомству

съ философіей Гегеля. Въ классическихъ языкахъ его интересовала грамматика, но содержаніе читаемыхъ авторовъ рѣдко удовлетворяло. Въ общемъ изъ гимназіи Гартманъ вынесъ довольно непріятное впечатлѣніе духовнаго гнета и принудительнаго изученія многихъ казавшихся совершенно бесполезными вещей.

Чѣмъ меньше могла ему дать школа, тѣмъ горячѣе посвящалъ мальчикъ, по личному влеченію, свое свободное время разнымъ излюбленнымъ занятіямъ. Такъ уже въ семинаріи пробудился у него сильный интересъ къ литературѣ—благодаря учителю нѣмецкаго языка, знакомившему на своихъ урокахъ учениковъ съ главными произведеніями Шиллера, Гёте, Лессинга и Кернера: они читали ихъ и въ классѣ совмѣстно—съ раздѣленіемъ ролей, и собирались для этого разъ въ недѣлю въ квартирѣ учителя за чаемъ. Позднѣ въ гимназіи Гартманъ усердно предавался чтенію романовъ. Онъ прочиталъ въ это время Вальтеръ-Скотта, Купера, Маррета, Диккенса, Бульвера и др. и даже самъ пробовалъ писать романъ. Въ послѣднихъ классахъ онъ, вмѣсто чтенія романовъ, началъ заниматься музыкой и рисованіемъ, а когда у него обозначился хорошій и благозвучный голосъ (баритонъ), сюда присоединились и занятія пѣніемъ. Въ занятіяхъ искусствами Гартманъ обнаружилъ большой талантъ и сдѣлалъ большіе успѣхи: могъ хорошо писать красками портреты и ландшафты, прекрасно исполнялъ на рояли произведенія новѣйшихъ композиторовъ и самъ сочинялъ романсы, дуэты и даже оперу (послѣдняя осталась неоконченной; текстъ для нея онъ написалъ самъ по „Звѣздѣ Севильи“ Лопе де Веги).

Шестнадцати лѣтъ осенью 1858 года Гартманъ окончилъ гимназію. Школьные занятія въ послѣдніе годы такъ основательно ему надоѣли, что отъ мысли объ университетѣ онъ безъ особеннаго сожалѣнія отказался и рѣшилъ посвятить себя военной службѣ, которая, по его мнѣнію, должна была оставлять ему довольно времени для любимыхъ занятій искусствами и науками. Впослѣдствіи онъ никогда не рас-

каивался въ принятомъ рѣшеніи, находя, что военная служба много дала ему для выработки характера и для познанія жизни.

1 октября 1858 года Гартманъ поступилъ въ гвардейскій артиллерійскій полкъ въ Берлинъ, оттуда послѣ трехмѣсячнаго обученія вмѣстѣ съ вольноопредѣляющимися полка пѣхотной службѣ и полевой стрѣльбѣ переведенъ былъ въ Шпандау для изученія крѣпостной службы, а въ августѣ слѣдующаго года, съ производствомъ въ прапорщики, снова переводится въ Берлинъ для изученія верховой ѣзды въ полевой артиллеріи. „Эпидемическая скука въ Шпандау“ оставляла ему весьма достаточно времени для духовнаго сосредоточенія, для чтенія философскихъ сочиненій, а также книгъ объ искусствѣ и по всевозможнымъ отдѣламъ естествознанія и, наконецъ,—для любимыхъ занятій музыкой. Служба въ Берлинѣ не внесла въ этомъ отношеніи въ его жизнь существеннаго измѣненія. Товарищи мало его понимали. Они считали его за скрытнаго карьериста, такъ какъ его успѣхи на испытаніяхъ по четвертямъ года и на годичныхъ обыкновенно принадлежали къ числу самыхъ лучшихъ и по большей части удостоивались королевской похвалы. Надъ его идеальными стремленіями они только смѣялись и думали, что съ такимъ вздоромъ въ головѣ мудрено сдѣлаться настоящимъ офицеромъ. Его считали филистеромъ, не понимая, какъ, на самомъ дѣлѣ, далека онъ былъ отъ всякаго филистерства. Тѣмъ не менѣе, у него были и друзья. Съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ онъ охотно посвящалъ часы музыкѣ. Кругъ его знакомыхъ былъ довольно обширенъ. Особенно цѣнили онъ общество дочерей въ дружественныхъ ему семьяхъ, съ которыми его связывали разные художественные интересы.

Въ іюль 1861 года случилось съ нимъ несчастное обстоятельство, которое совершенно выбило его съ избранной жизненной колеи. Онъ получилъ сильную контузію лѣваго колѣна и при лѣченіи ея холодной водой приобрѣлъ ревматизмъ. Въ началѣ, казалось, что молодой организмъ, при раціо-

нальномъ лѣченіи, позволяетъ надѣяться на выздоровленіе. Но надежда эта не оправдалась, никакое лѣченіе не помогло, и положеніе становилось все хуже. Съ военной службой пришлось проститься. Думаль было онъ тогда посвятить себя живописи,—это было въ 1862 году,—но черезъ годъ усумнился въ такомъ призваніи. Съ удвоеннымъ жаромъ послѣ этого набросился онъ на музыку и композиторство, но и здѣсь скоро пришелъ къ убѣжденію, что чего-либо великаго онъ въ данной области не создастъ. Ему оставалось только вмѣстѣ съ Фрицемъ Рейтеромъ сказать: „одинъ мѣшокъ балласта за другимъ полетѣли за бортъ моего жизненнаго корабля“. Сознавъ, такимъ образомъ, себя банкротомъ во всемъ, что манитъ къ себѣ смертныхъ, онъ почувствовалъ, что можетъ съ успѣхомъ работать только въ области мысли: „Mit einem nachgerade hoffnungslosen Leiden behaftet,—говоритъ онъ,—vom Schicksal betrogen (wie ich damals wähte) um die Anstrengungen der sechs besten Jahre meiner Jugend, abgeschnitten von der praktischen Wirksamkeit, der ich mein Leben aus freiem Entschlusse bestimmt, verlustig gegangen des beseligenden Glaubens an die eigene künstlerische Gestaltungskraft,—so war ich bankerott an allem, was sonst den Sterblichen gross und begehrenswert erscheint,—bankerott an allem, nur an einem nicht: dem Gedanken“. Такъ опредѣлилось истинное призваніе Гартмана—быть философомъ. Сознаніе этого призванія можно датировать 1864-мъ годомъ.

Съ этихъ поръ въ біографіи Гартмана насъ привлекаетъ, наравнѣ съ событіями и явленіями, имѣющими для него чисто личное значеніе, также развитіе его философіи и генезисъ главныхъ философскихъ твореній, равно какъ и приемъ, встрѣчавшійся послѣдними среди большой читающей публики и среди разныхъ специалистовъ-цѣнителей. Чтобы не прерывать, однако, чисто біографическаго повѣствованія, мы отнесемъ все, имѣющее болѣе литературно-историческій и философскій интересъ, къ концу нашей замѣтки, къ философской характеристикѣ Гартмана.

Философскими вопросами Гартманъ, какъ мы уже говорили, началъ интересоваться очень рано. Уже на 13 и 14 году онъ начинаетъ записывать свои мысли, афоризмы, случайныя догадки, вопросы, сомнѣнія и т. п. Еще въ гимназій началъ онъ большую работу—„Размышленія о „духѣ“, а во время службы въ Шпандау въ 1859 г. написалъ „О духовной дѣятельности воспріятія“. Потомъ до 1863 года онъ продолжаетъ писать разныя мелкія замѣтки психологическаго содержанія (о дружбѣ, о совѣсти, о чести и под.) и, кромѣ того, три болѣе крупныхъ изслѣдованія: „О цѣнности разума и познанія для человѣческой дѣятельности и счастья“, „О понятіи безконечнаго и нуля“ и „Объ одинакомъ корнѣ закона достаточнаго основанія“. Гартманъ самъ считаетъ три послѣднихъ самыми зрѣлыми изъ своихъ юношескихъ философскихъ произведеній. Свою знаменитую „Философію безсознательнаго“ Гартманъ началъ на святкахъ 1864 г., когда ему не было еще 23 лѣтъ. Въ апрѣлѣ 1867 г. „Философія безсознательнаго“ была окончена; но Гартманъ не спѣшилъ съ ея печатаніемъ. Лѣтомъ того же года онъ написалъ небольшое сочиненіе „О діалектическомъ методѣ“, которое сослужило ему двойную службу: доставило ему степень доктора философіи (*in absentia*) въ Ростоцкѣ и привлекло издателя для его послѣдующихъ трудовъ—Карла Геймонса. Послѣдній самъ рассказываетъ, что когда онъ въ началѣ марта 1868 г. лично посѣтилъ Гартмана, то имѣлъ намѣреніе возвратить ему рукопись „Діалектическаго метода“. Но когда онъ побесѣдовалъ съ философомъ, котораго засталъ прикованнымъ болѣзнью къ постели, то былъ такъ пораженъ силой его духа и очарованіемъ личности, что не только не исполнилъ своего намѣренія, но и обѣщаль издать „Философію безсознательнаго“. Послѣдняя вышла въ ноябрѣ 1868 г. Надежды, возлагшіяся авторомъ на свое главное твореніе, не обманули его. Книга надѣлала чрезвычайно много шума, вызвала многочисленныя газетныя и журнальныя рецензіи, страстную полемику съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, стала любимой

темой всевозможныхъ разговоровъ и обсужденій въ разнообразнѣйшихъ кругахъ общества, не исключая и дамскаго; даже война съ Франціей не заглушила этого интереса,—многіе военные брали знаменитую книгу съ собою въ походъ. Быстро потребовались одно за другимъ новыя изданія, и въ 1890 г. вышло 10-ое. На молодого философа обратили вниманіе университеты и министерство культа, и онъ въ 1870 г. получилъ три предложенія профессуры—изъ Лейпцига, Геттингена и изъ министерства. Всѣ три онъ отклонилъ,—съ одной стороны, вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія, а съ другой для огражденія свободы своего философскаго убѣжденія. Впослѣдствіи же, когда первое соображеніе перестало имѣть силу, здоровье его улучшилось, — уже ни одинъ министръ не отважился предлагать профессуру творцу „Философіи безсознательнаго“.

Борьба за „Философію безсознательнаго“ противъ философовъ, естествоиспытателей, моралистовъ и теологовъ надолго привлекла къ себѣ силы Гартмана и дала толчокъ его литературной апологетико-полемической продуктивности. Въ этой борьбѣ ему большую не только моральную, но и умственную поддержку оказывала жена его—урожденная Агнесса Таубертъ. Она была единственная дочь артиллерійскаго полковника Тауберта, который былъ друженъ съ отцомъ Гартмана. Между молодыми людьми тоже существовала дружба, которая естественно и привела ихъ къ браку—въ июль 1871 г. Агнесса Таубертъ получила строго-религіозное воспитаніе и не безъ труда и большой внутренней борьбы вошла въ кругъ идей своего мужа. Подъ его руководствомъ она начала заниматься философіей. Бракъ ихъ былъ весьма счастливъ. Плодомъ его была дочь. Г-жа Гартманъ оказалась столь же любящей матерью, какъ и самоотверженною супругой. Она настолько основательно прониклась идеями своего мужа, что даже сама писала сочиненія—о пессимизмѣ и полемическаго характера.

Въ этотъ періодъ появились— „Вещь въ себѣ“, „Новокантіанство, шопенгауэріанство и гегельянство“, „Безсознательное съ точки зрѣнія физиологіи и эволюціонной теоріи“, „Саморазложеніе христіанства и религія будущаго“, „Феноменологія нравственнаго сознанія“ и нѣк. др. произведенія Гартмана.

Къ 1876 г. состояніе здоровья философа настолько улучшилось, что онъ, послѣ II-лѣтняго перерыва, сталъ снова появляться въ обществѣ и въ театрѣ. Но здѣсь одно за другимъ постигли его семейныя несчастія: въ мартѣ 1876 г. умеръ его отецъ, а въ маѣ слѣдующаго года скончалась жена. Онъ остался на попеченіи матери и тетки.

Въ ноябрѣ 1878 г. Гартманъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Альмой Лоренцъ, внучкой курортнаго врача въ Дрибургѣ, гдѣ онъ, начиная съ 1867 г., проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ почти каждое лѣто. Но вскорѣ для него опять настали тяжкія времена. Жена его, подаривъ его мальчикомъ, на долгое время заболѣла и слегла въ постель, а ребенокъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Самъ Гартманъ опять простудилъ свое колѣно и заболѣлъ воспаленіемъ сустава; а когда отъ этого немного оправился, то осенью 1881 г. имѣлъ несчастіе упасть, разбилъ другое колѣно и получилъ въ немъ воспаленіе. Къ пасхѣ 1880 г. онъ лишился матери и тетки. Въ это-то время онъ и написалъ статью: „Значеніе страданія“.

Съ половины 80-хъ годовъ Гартманъ поселился въ Гросс-лихтерфельдѣ близъ Берлина и жилъ тамъ до самой смерти. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ изъ главныхъ твореній Гартмана появились: „Религіозное сознаніе человѣчества въ его постепенномъ развитіи“ (1881) въ качествѣ 1-ой части „Философіи религіи“ и „Религія духа“—какъ 2-ая часть; „Эстетика“ (въ 1886 г. историко-критическая часть „Нѣмецкая эстетика съ Канта“ и въ 1887 г. систематическая „Философія прекраснаго“) и „Ученіе о категоріяхъ“. Кромѣ того—